

Глава 16

— С наших заливных полей, если год выдастся дождливым и урожай будет добрым, мы собираем по полтора ши с каждого му. С десяти му выходит пятнадцать ши...

Ли Чжоучжоу рассуждал об урожае уверенно и быстро.

Гу Чжао не сразу сообразил, о каких объемах идет речь. В уме пришлось переводить старые меры веса в привычные: один ши равнялся десяти доу, один доу — десяти шэнам, а в одном шэне было два цзиня. Выходило, что один ши зерна весил около двухсот цзиней.

К счастью, налоги в государстве Дали были невысокими — всего пять процентов.

Если не случалось засухи или наводнения, то при должном уходе с одного му можно было собрать около трехсот цзиней. С десяти семейных му выходило три тысячи цзиней. Налог составлял сто пятьдесят цзиней, и в закромах оставалось две тысячи восемьсот пятьдесят.

Казенная цена на рис и пшеницу была одинаковой — около восьми вэней за цзинь, но перекупщикам их отдавали по десять. Выходило, что если продать весь урожай с десяти му целиком, то на руки семья получала два ляна серебра и восемь с лишним гуаней — меньше трех лянов.

А ведь одна только книга, которую переписывал Гу Чжао, стоила целый лян.

— С суходольных полей толку меньше, — продолжал гэ'эр. — В хороший год соберешь по одному ши с му, а иногда и того не выходит. Тогда и выручают арахис, батат да чумиза. Вперемешку с зерном их едим, чтобы только не голодать.

За чумизу, бобы и арахис торговцы давали еще меньше — всего пять-шесть вэней за цзинь. Поэтому крестьяне старались продавать рис и пшеницу, а себе оставляли грубые злаки. В обычных семьях белый рис на столе видели редко.

— Муж, ты говоришь, что в тех краях не сажают чумизу и пшеницы у них мало. Неужто они круглый год едят один только белый рис? Если всё съедать самим и не продавать, то на что покупать соль, уксус и ткань? А хлопок на зимнюю одежду? Как они справляются с расходами?

— Они выращивают коноплю и разводят шелкопрядов, — объяснил Гу Чжао. — Этим и живут. Шелк-сырец идет на производство дорогих тканей. За один рулон атласа лучшего качества можно выручить десять лянов серебра.

Юноша округлил глаза:

— Так много?

Их десять му заливных полей приносили за год всего три ляна.

— Не всякий шелк столько стоит. Там труда вложено — немерено.

Чжоучжоу лишь вздохнул с восхищением, без капли зависти:

— Ну, это и понятно. Мы с отцом за каждым ростком риса следим, пылинки с него сдуваем, а когда обмолачиваем — зернышко к зернышку выбираем, чтобы чистое было. И три ляна для нас — деньги добрые. А те, кто десять получает, наверняка и сил тратят втрое больше.

Гу Чжао улыбнулся. Его супруг всегда старался понять других. Он вспомнил своего соседа по общежитию в современной жизни: тот как-то раз заработал на игре тысячу восемьсот, и другой парень тут же начал ныть, мол, везет же людям — ничего не делаешь, в игрушки играешь, а деньги в карман текут, давай проставляйся.

На деле же тот парень неделю не спал, изучал форумы, высчитывал тактику и только благодаря упорству и капле удачи добыл редкий артефакт.

Так и здесь — Чжоучжоу первым делом думал о чужом труде.

— Верно. Но большинство всё же выращивает коноплю. Из неё ткут простое полотно. То, что идет на мешки для зерна, стоит копейки, а из того, что получше, шьют одежду. Рулон такой ткани стоит всего тридцать-пятьдесят вэней.

Жизнь простого люда в старину нигде не была легкой.

Доход семьи Ли в удачный год составлял около четырех лянов. Отец с сыном привыкли экономить: тратили за год лян, а три откладывали в кубышку.

В древние времена семьи редко разделялись — чем больше людей и земли, тем богаче урожай. Гу Чжао понимал, что большой дом прокормить легче, чем маленькое хозяйство, но и хлопот там в разы больше. Если в семье лад — всё хорошо, а как дети вырастают, склоки начинаются, и раздела имущества не избежать.

— У нас в доме всё ладно, — Чжоучжоу заметил, что муж притих, и испугался, не попрекает ли тот себя расходами на учебу. — У отца рука легкая: он и кастрировать поросят мастер, и забить тушу может — за это всегда копеечка перепадает. Я вот свиной ращу да кур, яйца коплю. Снег нынче рано выпал — значит, в следующем году дождей хватит, урожай будет знатный. Если на лишнее не тратиться, лянов семь-восемь скопим.

Гу Чжао прикинул, что расходы в следующем году предстоят немалые: бумага, тушь, кисти, да и новые книги покупать надо.

«Эх, если бы можно было поднять урожайность... — Гу Чжао задумчиво прикусил губу. — Двести цзиней с му — это же крохи. Неужели семена совсем не отбирают?»

Они еще немного поболтали, после чего Гу Чжао вернулся к книгам. Ли Чжоучжоу остался сидеть на кане, но семечки щелкать не стал — боялся шумом отвлечь мужа. В комнате было тепло и тихо, и он сам не заметил, как задремал.

Когда он проснулся, муж всё еще сидел над свитками.

Тихонько, стараясь не скрипеть досками, юноша спустился с постели. Настой из унаби в чайнике совсем остыл. Подхватив посудину, он ушел на кухню — пора было приниматься за ужин.

В сумерках, едва начало смеркаться, вернулся Ли Да.

— Через пять дней пойду забирать, — мужчина скинул с плеч пустой короб. — Яйца отдал, семья Чжу их приняла.

Ли Чжоучжоу со спокойным сердцем подал отцу горячий чай, чтобы тот согрелся, и быстро накрыл на стол.

За ужином при свете масляной лампы Ли Да продолжил:

— Гончар Чжу за одну штуку братья не захотел, так что я решил заказать сразу два котла и две печи. За всё отдал шестьдесят вэней.

Зимой из-за холодов на обжиг уходило больше дров, поэтому цена была чуть выше. Летом за такую работу можно было сторговать вэней пять, а то и десять. В лавках простой глиняный таз стоил вэней семь-восемь.

Спустя пять дней, когда настало время забирать заказ, выдался ясный день. Снег начал таять, и на дорогах поднялась распутица.

— Ничего страшного, — Ли Да спозаранку подпоясался и взял короб. — Раз договорились —

надо идти.

Он старался выбирать тропы, где снег еще не сошел — по нему шагать было легче, чем месить грязь. Добравшись до деревни Шили, он напрямик направился к дому гончара Чжу.

На стук в ворота отозвался сын хозяина.

— А-а, дядя Ли, проходите! — парень впустил гостя. — Отец впервые такую махину делал, всё боялся, что с жаром не угадает...

— Что, неужто лопнули? — встревожился старик Ли. Неужели зря шел?

— Да нет, целёхоньки! Вы присядьте, чаю выпейте, отец сейчас сам всё расскажет.

Оказалось, изделия были готовы еще вчера. Мастер Чжу, хоть и не делал раньше таких «увеличенных» моделей, на своем опыте знал, как держать огонь. Первый же обжиг прошел удачно. Новинка так заинтересовала домочадцев, что они решили её испытать.

Гончар велел жене достать из очага несколько горящих поленьев и разжечь печь прямо в главной комнате. Сверху поставили котел. Результат превзошел все ожидания — очаг грел отменно!

Он был меньше стационарной плиты, его легко можно было переставить. Дети и внуки мастера тут же облепили его со всех сторон на своих маленьких табуреточках — и за уши не оттащишь, говорят:

— Тепло!

— Дров уходит — кот заплакал, зато горячая вода всегда под рукой, — гончар Чжу не мог нарадоваться. — Жена моя на этой печи и батат пекла, и кашу из чумизы сварила. Хоть огонь и не такой сильный, как в большом очаге, но в комнате уютно, и готовится всё само собой. Вещь — во!

Ли Да пил воду, слушая похвалы, и прекрасно понимал, к чему клонит собеседник.

— Ладно уж. Раз так, пусть один набор у вас остается, а за своим я через пару дней загляну.

Гончар расплылся в улыбке:

— Ха-ха, вот спасибо, выручил! А то мы уже всей семьей к ней прикипели, не отдавать же тебе подержанную вещь. Давай так: десять вэней я тебе верну, а за новой печью через три дня

приходи. Знаешь, я всю жизнь горшки да миски леплю, даже аптекарские печурки для города делаю, а вот до того, чтобы их увеличить, сам не додумался!

Ведь идея-то была на поверхности.

— Да я и сам об этом не думал, — признался отец Чжоучжоу. — Кому охота в доме лишнюю копать разводить? Это всё зять мой придумал. Он человек ученый, целыми днями за книгами сидит, а кан топить — дров не напасешься. В его комнате-то тепло, а нам с сыном холодно. Вот он и решил: сделаем печь побольше, поставим в зале — и тепло всем, и дрова сэкономим.

Гончар Чжу одобрительно поднял большой палец:

— Ну, точно! Ученые головы — они по-другому соображают. Повезло тебе с зятем, Ли, парень-то заботливый. Будешь на старости лет в тепле нежиться.

Морщинки на лице Ли Да разгладились, он довольно прищурился, но вслух проворчал:

— Да ладно тебе, живем как-нибудь. Зять мой хоть и слабоват телом, в поле от него толку мало, но голова у него светлая.

Старый Чжу, конечно же, не скупился на похвалы: ученость — это почет, глядишь, и он, как их деревенский учёный Чжу, станет сюцаем. Тогда и перед чиновниками спину гнуть не придется, и налоги на урожай платить не надо.

От этих слов мужчине стало совсем легко на душе. Кто знает, как оно там дальше повернется, но слушать такие речи было чертовски приятно.

Согревшись чаем и подкрепившись кашей из грубого зерна, Ли Да с тяжелым коробом за плечами двинулся в обратный путь. Домой он добрался, когда уже совсем стемнело.

В главной комнате горела лампа. Ли Чжоучжоу, услышав шум во дворе, кинулся открывать. Он помог отцу снять ношу и по весу понял, что что-то не так.

— Гончару Чжу печь так полюбилась, что он одну себе оставил. Велел через три дня прийти, — объяснил он, проходя в дом.

Гэ'эр осторожно пристроил устройство в углу, выбирая место поудобнее.

Ли Да глянул на зятя. В глубине души ему очень хотелось его похвалить, но слова признательности всегда давались ему с трудом.

— Мастер сказал, печь — вещь справная. Десять вэней назад отдал, — наконец выдавил он.

— Вот и славно. Только жаль, что вам, отец, лишний раз идти придется, — отозвался Чжоучжоу, поправляя котел.

— Ничего, всё равно зимой делать нечего, прогуляюсь, — бросил мужчина. Ему было немного досадно, что сын не уловил его тайной гордости.

Десять вэней — сумма пустяковая, но Ли Да был доволен. Это значило, что зять его — голова, и даже чужие люди это признают.

Гу Чжао и Ли Чжоучжоу еще не ужинали — ждали главу семьи. Пока накрывали на стол, отец добавил:

— Зимой ведь как: только сядешь есть — а еда уже ледяная. У гончара печь в зале горела, так они всё горячее ели.

— Завтра же её и разожгу, — пообещал юноша. — Буду воду на ней греть, чтобы вы с мужем всегда горячий чай пить могли.

Гу Чжао, почувствовав в словах тестя скрытый посыл, весело спросил:

— Значит, и впрямь я не промах с этой затеей? Неужто гончар Чжу меня похвалил?

— ... — Ли Да замялся.

Чжоучжоу с любопытством посмотрел на отца. Тот кашлянул и нехотя буркнул:

— Ну, было дело. Пару слов замолвил.

— Муж у меня и вправду самый умный! — просиял гэ'эр.

Ли Да подумал, что с гончаром Чжу общаться было как-то проще.

На следующий день печь в главной комнате наконец ожила. Дрова, что шли для кухонной плиты, были слишком крупными, так что Чжоучжоу пришлось наколоть щепы помельче. Наполнив целую корзину, он поставил её рядом. Как только в печи заплясали огоньки, он первым делом вскипятил полный котел воды.

Зола аккуратно просыпалась сквозь колосники в поддон, который был приподнят над полом на ладонь — и чисто, и безопасно.

Вода закипела на удивление быстро.

Ли Чжоучжоу заварил крепкий чай и принес чашки отцу и мужу.

«И впрямь, чудесная вещь!»

К обеду он уже не представлял, как они жили без этого очага. Дров уходило немного, а в комнате стало по-летнему тепло. Гу Чжао даже принаоровился поджаривать лепешки прямо на решетке, наколов их на палочки. Корочка выходила хрустящей — совсем не то, что на пару.

Всем очень понравилось.

Днем кан в комнате теперь не топили.

Дом у них был просторным, и одной печи не хватало, чтобы прогреть всё до дальних углов. Тогда Гу Чжао перенес свой письменный стол в главную залу. Днем к ним гости почти не заглядывали, было тихо. Он сидел и учился, Ли Чжоучжоу рядом занимался шитьем или какой-нибудь мелкой работой, а отец неподалеку с удовольствием уплетал печеную на углях картошку.

Только Гу Чжао подумал, что их никто не побеспокоит, как в ворота постучали.

Юноша и до свадьбы не любил шумных сборищ, а став замужним гэ'эром, и вовсе не стремился в круг деревенских сплетниц. Он был не из тех, кто часами чешет языком на завалинке.

Сам-то он не любил, но зимой люди от безделья начинали тосковать и тянулись друг к другу. Обычно в дом Ли никто не заходил: Ли Да — вдовец, приличным женщинам и гэ'эрам надо было соблюдать дистанцию, да и Чжоучжоу был молчалив — слова из него не вытянешь.

Единственным, кто заглядывал «на огонек», был Син-гэ'эр.

Тому вечно не терпелось выплеснуть накопившиеся обиды на свекровь, а довериться было некому. Мать его была женщиной ненадежной — стоило сыну открыть душу, как через час об этом знала вся деревня. Однажды Син-гэ'эр из-за этого проплакал весь вечер, и с тех пор все свои горести доверял только другу.

Вот и сейчас на пороге стоял именно он.

Ли Да открыл ворота.

— Здравствуйте, дядя Ли, — вежливо поздоровался Син-гэ'эр.

Хозяин лишь коротко хмыкнул в ответ. На самом деле парень побаивался сурового родственника.

— Я пришел с Чжоучжоу поболтать.

Ли Да смерил его взглядом. Син-гэ'эр тут же поправился:

— С братом Чжоучжоу.

Они были почти ровесниками — разница меньше года. С детства Ли Чжоучжоу во всем уступал Сину, а мать последнего только и делала, что хвалила своего сына, принижая его друга. В такой атмосфере Син-гэ'эр вырос горделивым и вел себя покровительственно. С семи-восьми лет он перестал называть его «братом», просто окликая по имени, и Чжоучжоу никогда его за это не корил.

— Проходи, — бросил Ли Да. У него были давние счеты с третьей ветвью семьи Ли, да и со вторым братом отношения не ладились — те всегда смотрели на него свысока. Мужчина давно охладел к родне, но на младшем поколении злость не срывал.

Однако порядок есть порядок. Сын Ли Да старше, и Син обязан звать его братом.

Раз уж пришел гость, Ли Да решил не мешать и отправился прогуляться по деревне. Син-гэ'эр, увидев, что грозный дядя ушел, облегченно выдохнул и поспешил в дом, еще с порога затараторив:

— Чжоучжоу, Чжоучжоу! Я к тебе на минутку, ты не представляешь, как я за эти дни извелся, слова сказать некому!

Гу Чжао, слышавший шум еще от ворот, предложил:

— Идите на кухню, там вам никто не помешает, а я здесь посижу.

— Ничего, сидите здесь, — вмешался Гу Чжао. — Я перенесу стол в комнату и там почитаю, а если замерзну — заберусь на кан.

Он видел, как супругу неловко. Мужчина уже давно жил в этой семье и знал, что Син-гэ'эр — единственный друг Ли Чжоучжоу. А друзья человеку нужны.

Они вдвоем перенесли стол в спальню. Гэ'эр подумал, что через пару дней придёт вторая печь, и мужу больше не придётся вот так кочевать из комнаты в комнату.

Едва они закрыли дверь в спальню, Син-гэ'эр ворвался в главную залу.

— Ой, батюшки! А это что за штуковина у вас тут стоит?

<http://bllate.org/book/15349/1417324>